

ЗАОЧНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ»

ИМПЕРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК АЛЬТЕРНАТИВЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Принимая решение опубликовать статью П.Б. Струве, в которой автор комментирует хрестоматийно известные проект конституции декабристов Никиты Муравьева и проект государственного устройства «Русская Правда» Павла Пестеля, «Политическая наука» предложила коллегам поделиться своими соображениями, сосредоточив внимание не столько на проектах декабристов, сколько на альтернативных вариантах политического развития России и их отражении в политических, в том числе идейно-политических традициях.

Обсуждение было проведено в форме заочного «круглого стола». Благодарим всех откликнувшихся на предложение редколлегии и поделившихся своими соображениями.

М.В. Ильин
Вместе или порознь

Никита Муравьев и Павел Пестель скрипят перьями, пишут свои конституционные проекты. Венский конгресс завершился, можно сказать, почти «вчера». Вся Европа с наполеоновских пор все еще живет в стиле ампир. И хотя его внешние приметы уже скоро начнут смешиваться с иными и утрачивать строгость, сама имперская стилистика и имперский пафос продолжают доминиро-

вать вплоть до империалистической войны, на протяжении всего долгого XIX столетия¹. И тут же рядом романтизм с его ярко выраженным националистическим духом, который также переживает расцвет как раз в том же долгом XIX столетии. Одна эпоха и два ее духа, *zwei Zeitgeister*.

В России два вождя одного заговора вглядываются в возможное и желаемое будущее своего Отечества. И возникают два полярных, как точно отмечает П.Б. Струве, проекта. И Муравьев, и Пестель, и Струве убеждены, что логика проектов и стратегии их реализации не просто различны, но исключают друг друга. Империя или нация. Что-то одно из двух. И третьего не дано. Вот и начинается «вечный спор славян». Без компромиссов, без уступок, без намека даже на возможность уступок. С запальчивой страстью доказать и утвердить единственную и безусловную правду.

В одних салонах яростно состязаются западники и славянофилы. В одном «Обществе благоденствия» (как это будет по-немецки, Павел Иванович, не *Polizeiverein* ли?) два проекта и две стратегии. Или империя без нации, или нация без империи. И так без остановки вплоть до наших дней. Даже на конференциях РАПН и в «Полисе» – что уж говорить о популярных глянцевого изданиях и Сети. Да и в жизни – только принципиальные и правильные решения. Так жить нельзя. Система не реформируема. Сделаем все ровно наоборот, шиворот-навыворот. Но что-то никак не получается, не получается, как всегда, хотя хотим хорошего...

А что же на гибнущем уже который век Западе, в «стране захода» (*Abendland*)? Там одна эпоха и, напомним, два ее духа, *zwei Zeitgeister*. Два лика одного Януса. Повсюду или почти повсюду в Европе и в ее заокеанских слепках имперские националисты и националистические имперцы заняты одним делом, которое приносит со временем плоды. Одни выстраивают новую Британскую империю и создают из англо-шотландско-валлийско-ирландской гремучей смеси общую британскую нацию. Другие создают Второй рейх как торжество национального объединения. Третьи делают почти то же самое в Италии. Четвертые наращивают имперский колониальный ореол во-

¹ Ампиры короткого XX столетия – будь то сталинский, муссолиниевский или гитлеровский – натужны и вторичны. При всей своей пафосности они лишены действительной жизненности, они почти «мемориальные», своего рода памятники сами себе еще при жизни.

круг французского государства-нации или нидерландских и бельгийских консоциаций. Пятые внутри последнего осколка скандинавской империи выращивают норвежскую и шведскую нации. Шестые внутри «двоякодышащей» Австро-Венгерской империи пестуют культурные автономии – ядра будущих наций и государств.

И одновременно вчерашние европейцы за океаном создают новую американскую нацию и ее империю, по мнению Александра Гамильтона, во многих отношениях самую интересную в мире (*an empire in many respects the most interesting in the world*). Другую новую империю строит Симон Боливар. Имперские эксперименты осуществляются в Бразилии и Мексике. А одновременно консолидируются новые латиноамериканские нации и их территориальные государства с имперской, федеративной или унитарной структурой – как уж получается. И получается, получается... Тоже как всегда. Почему?

Ответ, почему не получается у принципиальных и правильных людей, но получается у любителей компромиссов, нашел провинциальный немецкий философ и одно время подданный Российской империи Иммануил Кант. Немало есть истин в мире, которые исключают друг друга. Можно взять две такие истины, рассуждал кёнигсбергский профессор, и не спорить, какая же из них правда, а скромно, обывательски (*bürgerlich* – сказал бы потомственный любекский горожанин Томас Манн, – т.е. по-городскому, культурно) признать обе максимы верными. Антиномия, однако, получается, «разнозаконие», – разводит руками профессор из Альбертины. И с этим нужно и можно жить. И получается неплохо – добавляют его благодарные ученики. Люди могут и должны править сами, народ сам себе суверен. Народу нужен господин, люди не могут стать своими собственными правителями. Тут есть о чем поспорить Аксаковым и Бакуниным, Уваровым и Погодиным. А вот американцы по большей части спорить не хотят. Делают себе по кантовским рецептам республику с представительным правлением. И не понятно, то ли господа, то ли слуги Вашингтон, Джефферсон и разные прочие Адамсы со Мэдисоны, то ли правят они, то ли подчиняются. Вроде бы не должно было получиться, удивляется решительный сторонник настоящей и единственной правды, но почему-то получилось.

А дома у нас вернувшиеся из Кёнигсберга офицеры, слушавшие, но не слишком расслышавшие Канта, их дети, внуки,

правнуки и праправнуки все спорят и спорят, в чем же правда. Прошу прощения, Правда – конечно же с большой буквы, никак иначе. За нее все можно отдать. Мы за ценой не постоим. Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающая Правда.

Ты за большевиков, Василий Иванович, или за коммунистов? Ну как может язык повернуться, что и за тех, и за других. Нет, настоящий полковник, настоящий русский всегда точно знает, за что единое и неделимое он стоит насмерть, – за Третий Интернационал. И за властную вертикаль, разумеется. Но обязательно нашу, а не их, простите, «ихнюю».

Сталин или герой, или злодей. Путина или в президенты, или на свалку истории. Иного не дано. Система не реформируема. Так жить нельзя. Ломать – делать. Свобода (наша) лучше несвободы (опять же «ихней»).

Давайте, коллеги, не будем торопиться. Давайте вернемся в школу Канта, которую когда-то второпях проходили и успешно прошли насквозь, оставив смутные воспоминания об апперцепциях, вещах в себе и трансцендентности. Давайте прислушаемся к его совету жить своим умом, чтобы выйти из состояния несовершеннолетия, которое мы сами себе навязываем – aus seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit. Что же это за навязанное себе самим несовершеннолетие? Вера в Правду, которой нужно беззаветно служить. Давайте постараемся стать взрослыми и взять на себя ответственность жить в мире, где справедливы противоположные максимы. И выработать способность, искусство, профессиональный навык находить жизненные паллиативы там, где по-детски наивному разуму видны лишь исключаящие друг друга противоположности.

Давайте научимся говорить и думать не «или – или», а «и – и». И частица и волна. И империя и нация. И единое государство, и конгломерат разнородных порядков.

Тогда новые Никита Муравьев и Павел Пестель могли бы создать разумную и взрослую конституцию для настоящей России, а не для выдуманных в угоду высшим Правдам как будто бы Россиям. Тогда авторы сочинений, в которых осмыслялась действительная, а не надуманная российская власть и система правления, не становились бы оппонентами двух разных и взаимоисключающих Правд.

А.М. Кузнецов

Время отказываться от ярлыков и стереотипов

Хотелось бы отметить важность обращения к взглядам предшественников по проблеме будущего российского государства. Ретроспективный обзор от идеологов декабристов через одного из видных интеллектуалов и политических деятелей конца XIX – XX в. к современным дебатам позволяет установить некий тренд, выражающий более глубокие причины, заставляющие мыслителей разных эпох приходить к уже сделанным ранее выводам. Вот и сравнительно небольшая статья П.Б. Струве, на мой взгляд, высвечивает одну из наиболее актуальных проблем для определения дальнейшего пути российского государства: завершение консолидации национального государства и переход к строительству полинационального образования, традиционно именуемого империей. Будучи либеральным националистом, Струве нашел для себя приемлемый путь разрешения представленной дилеммы. Период формирования и укрепления Московского государства он рассматривает как стадию национального государства. С завоеванием Казани и присоединением Малороссии и других территорий с нерусским населением он шаблонно связывает переход на имперскую стадию российской истории. Важным аргументом для такого заключения послужили сопоставления с Францией – образцовым национальным государством того времени.

Поскольку проблема консолидированного-плюралистического состояния российского государства уже была поднята в программных документах Н. Муравьева и П. Пестеля, то П.Б. Струве не мог обойти их молчанием. В его интерпретации Конституция первого автора восходит к Конституции США, и эта связь получила отражение в идее преобразования России в вариант соединенных штатов, но с монархическим управлением и сохранением некоторых других традиционных устоев. В свою очередь, более радикальная «Русская Правда» может вообще рассматриваться как один из собственно модернизационных проектов. Она призывала к отмене всех прежних различий между сословиями и народностями и созданию из них единой русской нации. За столь кардинальным рецептом кроется убеждение П. Пестеля в том, что «народы бывают таковыми, каковыми их создают правление и законы».

Следовательно, Струве национальный и полинациональный образы российской государственности разносил по разным этапам исторического развития страны. У Муравьева и Пестеля эти состояния выступали как альтернативные проекты, учитывающие характер современной им России и предлагающие программы последующего развития нашей государственности с сохранением некоторых ее традиций и решительным отказом от них. Очевидно, что Советский Союз в большей степени реализовал проект Муравьева, чем Пестеля. Замысел Ю. Андропова перейти к сугубо территориальной организации страны (отчасти предусматриваемой Пестелем) не успели реализовать. Распад Советского Союза по национальным границам и сохранение полиэтнического состава населения Российской Федерации снова возвращают нас к старым дискуссиям, только теперь вокруг тех же русскости-российскости.

В свете современных представлений о проблемах этногенеза изящная конструкция Струве не выдерживает критики. Когда в VI в. н.э. славяне начали свое продвижение по Восточной Европе, они вышли не на пустынные территории. Здесь проживали различные балтийские, финно-угорские и другие общности, которые со временем были интегрированы со славянами. Этот процесс включения отдельных представителей и целых общностей в славянские, а затем и в собственно русскую общность не закончился с присоединением Казанского ханства и Малороссии. Другое дело, что обширные пространства и политика государства оставляли возможность многим общностям сохранять свою этническую самобытность. Показательно, что, в отличие от восточных государств, политика принудительного переселения долгое время не играла в нашей стране какой-нибудь роли. Свою роль в поддержании внутренней стабильности сыграла и возможность для нерусских элит участвовать в управлении Российской империей. Не случайно среди высшей аристократии страны оказалось много выходцев из нерусских общностей. Так что процессы консолидации собственно русской общности и развития других общностей в нашей стране проходили и проходят параллельно. В этом смысле проекты Н. Муравьева и П. Пестеля дополняли друг друга. Сегодня процессы, сходные с теми, которые зафиксированы применительно к нашей стране, описываются при помощи концепта «нациестроительство». Сохранение разнородного «этнокультурного»

состава населения рассматривается как повод для внедрения пресловутой политики «мультикультурализма».

Не все так просто сегодня оказывается и с не менее пресловутым «национальным» государством. Как показали исследования специалистов (А. Вебер), многие группы французских крестьян стали осознавать себя составной частью нации своей страны лишь в конце XIX в. Сегодня же, даже не принимая во внимание события в пригородах Парижа, в этой стране все еще фиксируются многочисленные локальные «идентичности» (Е. Филиппова). Снова приходится повторять, что из примерно 200 современных государств только около 20 характеризуются достаточно однородным в этническом отношении населением. Причем массовая иммиграция, наряду с некоторыми другими причинами, вывела из этого перечня такие классические нации-государства, как Англия, Франция, Швеция. Отсюда вполне логично вытекает предложение ввести понятие гражданской нации, состоящей из представителей разных общностей и групп, а затем и появление концепции «воображаемой» нации.

Не менее примечательны разработки проблемы разнообразия видов государств современности (Ж. Коломер, М.В. Ильин), позволившие выделить категорию «провальные государства». Более же примечательным результатом данных разработок является отказ нации-государству в праве быть единственной эталонной формой политической организации в эпоху глобализации. В результате сформировалось направление, призывающее к преодолению «методологического национализма», т.е. отождествления общества с нацией-государством. В качестве альтернативной формы общественно-политической организации теперь продвигается «космополитическое государство», проводящее «внутреннюю глобализацию» (У. Бек). В любом случае теперь совершенно очевидно, что нация-государство осталась достаточно ограниченным, преимущественно западноевропейским явлением, и оно не успело стать образцом для всего человечества.

Нельзя сбрасывать со счетов и значение сугубо формальной замены в политике дискредитировавших себя терминов и определений на новые. Как показали канадские исследователи (У. Кимлика), мультикультурализм – это новое название для той же самой политики ассимиляции. Дело в том, что эта игра с терминами под-

чинена все той же цели – единому государственному проекту нациестроительства стран, формировавшихся за счет постоянного притока мигрантов. Поэтому регулярно обновляйте терминологию самоописания, приклеивайте не устраивающим вас странам ставшие одиозными ярлыки, ту же империю, и получайте свои идеологические и политические дивиденды. Ведь со времени Муравьева, Пестеля, да уже и Струве наши представления и отражающие их термины существенно менялись, но стоящие за ними реальные проблемы во многом сохраняются в прежней остроте.

В свете состоявшейся «плюрализации», а то и просто «виртуализации» основополагающих концептов нация, государство, нация-государство Россия, да и Советский Союз не могут оцениваться столь однозначно, как у П.Б. Струве. Та же история американской политической мысли демонстрирует нам убежденность в том, что республиканское устройство – это удел небольших государств. Поэтому высказывалось мнение, что после победы в войне за независимость в Америке нельзя будет сохранить новое крупное государство (С. Хантингтон).

Сегодня обозначилось новое интеллектуальное противостояние между европейскими и американскими теоретиками по вопросам государства. Такая ситуация не вызывает удивления. Западная Европа прошла свой исторический путь, в котором долгое время было не до прав человека, практиковались этнические чистки и другие неприемлемые сегодня акции. В свою очередь, у США и Канады за плечами собственная история, хотя и связанная с Европой, но протекавшая в особых условиях. Как показали последние исследования (Э. Саид), несмотря на все заверения в глобализации и вызванное ею космополитическое сознание, наша познавательная деятельность оказывается во многом обусловленной определенными социально-политическими контекстами, характеристики которых мы, часто неосознанно, транслируем на остальной мир. В современных условиях подобные интеллектуальные игры вызывают ответную реакцию за пределами Запада, проявляющуюся в том же дискурсе постколониализма и призывах окончательно покончить с западным засильем в обществоведческих науках.

У России во многом своя неповторимая история, в том числе и взаимоотношений с Западом. Есть у нас и собственная традиция

познания общества и человека, в соответствии с которой мы от нее же и норовим сегодня отказаться. Но мы точно так же, как другие европейцы и американцы, должны иметь право на свое слово в обсуждении актуальных проблем современного общества и государства. Однако в этом обсуждении важно уйти от ярлыков и стереотипов. Пока у нас этническая проблематика фактически сведена к пресловутой «идентичности», пока доминируют разного рода облегченные конструктивистские подходы к национальным и этническим проблемам в духе П.И. Пестеля, сделать это очень сложно. Поэтому сегодня как никогда важны разработки по подлинно научному и в первую очередь теоретическому осмыслению нашей этнической истории, феномена российской государственности и других связанных с ними проблем. Понятно, что успешно решить эту задачу мы сможем только в том случае, если будем знать, как решаются сходные проблемы нашими зарубежными коллегами в рамках их научных традиций. Только таким путем мы можем прийти к обоснованным выводам и заключениям, которые дадут нам возможность верно оценить свои роль и место в современном мире.

И.А. Чихарев
Между империей и постимперией

В статье П.Б. Струве обращает на себя внимание прежде всего совершенно отличное от сегодняшнего понимание традиционной империи (или, по крайней мере, от современной, весьма размытой, конвенции относительно смысла этого дискутируемого понятия). Характеризуя российскую (имперскую) идею в конституции Н. Муравьева, он говорит скорее о федерации. Возможно, даже идеи П. Пестеля, изложенные в «Русской Правде», видятся в традиционном смысле более имперскими, чем национально-централистскими. Не очевидно, что унитарное государство, проектируемое Пестелем, предполагает «русификацию» вопреки оценке Струве. Более того, дальнейшая история «пролетарско-якобинской диктатуры» показала, что на практике подобные проекты тяготеют более к конструированию новой (денацифицированной) исторической общности. Тем не менее проект Пестеля сохраняет этимологически характерные смыслы империи – подчинение, навязывание, которые, напротив, менее выражены в федералистском проекте

Н.М. Муравьева. Эти обстоятельства заставляют вновь обратиться к понятию империи, рискуя предложить один из ракурсов темы номера и обсуждения статьи – «между империей и современной империей».

Понятие империи является многозначным, используется в политическом дискурсе уже более двух тысячелетий, со времен Древнего Рима, и применяется к разным историческим и культурно-цивилизационным случаям. Кроме того, оно получило интерпретацию в различных традициях политической мысли и теориях международных отношений. Первоначальный смысл понятия «империя» – в навязывании определенным центром силы своих правил международному окружению, осуществляемым насильственным путем. В результате такого навязывания формируется иерархически организованное государство, в котором завоеванным народам отводится подчиненная роль. В то же время в практике крупнейших империй зачастую присутствовало *цивилизующее* начало, привнесение в социальную жизнедеятельность покоренных народов передовых технических достижений и культурных стандартов. С точки зрения реалистского подхода в основе имперостроительства лежит военно-силовое преобладание, однако в иных подходах феномен империи интерпретируется иначе. В соответствии с марксистско-ленинским учением, империализм – стадия в развитии капитализма, на которой образуются «международные монополистические союзы капиталистов», управляющие ведущими капиталистическими державами, разделившими между собой мир. В данном понимании империи акцент – на финансово-экономических инструментах преобладания крупных держав. Новое понимание империи предлагают современные исследователи Майкл Хардт и Антонио Негри, которые считают, что современная Империя – это транстерриториальная и не имеющая единого центра глобальная система управления (авторы используют написание этого термина с большой буквы, чтобы отличать его от предшествующих исторических форм империи).

Разумеется, это лишь весьма краткий экскурс, который, однако, позволяет установить, что проект Н. Муравьева если и является имперским, то отнюдь не в традиционном смысле – последнему в большей степени отвечает как раз «Русская Правда» Пестеля. В современном свете план Муравьева видится в большей

степени постимперским, т.е., с одной стороны, заключающим в себе еще не до конца «снятые» черты империи, а с другой – ее децентрализацию и федерализацию. В этом смысле совершенно неслучайны аналогии с Соединенными Штатами, проводимые Струве. США – яркий пример постимперской государственности.

В этом отношении в статье П.И. Струве спорной выглядит апелляция к истории для реконструкции причин якобы имперской модели Муравьева. Правильнее, на мой взгляд, характеризовать ее именно как проект, «футурологическую проекцию» имперской идеи. Кстати, и сама предложенная Струве генеалогия Российской империи выглядит неполной: надо учесть, что даже без учета нормандского фактора в образовании российского государства существовала базовая полиэтничность: варягов приглашал союз славянских и финно-угорских племен. Более того, по мнению современных историков, восточные славяне расселялись соседской, а не кровнородственной общиной.

Тем не менее критика Струве «с высоты исторического положения» не вполне оправдана. Более того, выделенные им базовые в формировании и проектировании российской государственности начала замечательным образом проявляются в современном государственном строительстве. В известном смысле Россия все еще находится между двух огней – моделью постимперской федеративной государственности и идеей единого иерархически («вертикально») организованного федеративного пространства.

В.А. Ковалёв
Русская Правда над пропастью
имперских и либеральных мифов

«Политически-преобразовательные идеи декабристов представляют очень большой интерес и притом не только исторический, но и современный» – в схожих выражениях можно сегодня оценить и текст самого П.Б. Струве. При этом вместо умиленного восхищения (вот такая непреходящая актуальность!) испытываешь чувство горечи и разочарования. Что означает «актуальность» политической статьи прошлого века, посвященной конституционным проектам позапрошлого столетия. Она означает, что планы создания на месте империи и деспотии современного национального

демократического и федеративного государства так и не были превращены в жизнь. 100 лет прошло, 200 лет прошло, а воз и ныне там. И нет особых надежд на то, что решение этой проблемы сдвинется в желательном (для авторов рассматриваемых текстов и их сочувственных читателей) направлении.

Само по себе сравнение «Русской Правды» П. Пестеля и «конституции» Н. Муравьева давно стало для историков банальностью и вошло в школьные учебники (мы, по крайней мере, это «сдавали»). Но если рассматривать эти проекты вне контекста школьной истории или псевдонаучного «академизма», то убеждаешься, что ответственность российской власти перед населением и правовые ограничения для нее, а также конституционная децентрализация на правовой основе со взаимными обязательствами Центра и «держав» остаются чем-то недоступным. Нет также и унификации российского пространства (за идеи русификации и унитаризма постоянные упреки Пестелю), которое могло бы послужить предпосылкой для создания в России политической системы Модерна, как это было в ряде стран Европы (постмодернистский «мультикультурализм» и прочие ужасы мы здесь не рассматриваем). Казненного декабриста принято критиковать за требование того, что «все племена должны быть слиты в один народ». Эта максима действительно звучит весьма грубо. Но разве лучше, когда ресурсы центра без всякой пользы для основного населения и перспектив для государства перекачиваются на дальние окраины, которые все равно отделяются? Разве хорошо, когда за счет России создается государственность народов, ранее никогда ее не имевших? С нашей точки зрения, это плохо, и вот к чему приводит упорное стремление удержать империю вопреки потребностям национального государства и реального федерализма.

Обсуждаемый текст (и контекст – обстоятельства его опубликования) затрагивает чрезвычайно много нервных узлов и нитей отечественной истории и (печальная актуальность) – современной политики. Здесь и декабристы, и освободительное движение в России, и его крах, и история русского зарубежья, и несчастная судьба русской эмиграции, и перестройка с постперестройкой, и новые разочарования в возможности реформ. По любому из этих направлений можно сказать и написать очень много, но в кратких тезисах – только обозначить.

Сам декабризм официально и неофициально характеризуется очень неоднозначно: от традиции гвардейских переворотов и заговора масонов до начального этапа революционного движения и пробуждения национального самосознания. Именно последнее под влиянием победы над Наполеоном пробудило русскую гордость и национальное достоинство, породило ряд проектов о преодолении самодержавного деспотизма в форме конституционной монархии или демократической республики, с приложением унификации или федерализации. Этими мечтами в той или иной степени и развлекалась общественность Российской империи, ожидая, когда «оковы тяжкие падут» и вместо проклятого самодержавия установится царство свободы. Пришли большевики.

И снова (на примере эмиграции) мы видим набор привычных интеллигентских мечтаний и надежд – теперь уже в ожидании неизбежного краха коммунизма. Он наступил, а прекраснодушные надежды и планы по-прежнему остаются фантазией.

Идеократические империи (от Третьего Рима к Третьему Интернационалу) нереформируемы. Попытки могут проводиться до некоторого предела, но затем все рушится. «Держав» в духе Муравьева не получается, а держава гибнет в результате страшного исторического взрыва с огромными жертвами. Реальное народовластие и самоуправление территорий несовместимы (совершенно не нужны) в Империи, где мечтают о Царьграде (именно как о символе, а не просто о территориальном приобретении) или мировой революции. Идеократический проект и в связи с ним сакрализация (т.е. принципиальная безответственность) власти несовместимы с рациональным и демократическим политическим и территориальным устройством. Попытки реформирования российской и советской империй заканчивались пресловутыми «геополитическими катастрофами». Если не решены и не решаются задачи русской национально-освободительной революции, то Россию остается лишь «подмораживать» (в леонтьевском смысле) до очередного краха.

В связи с этим невозможно скрыть досады и раздражения от пустопорожних «академических» дискуссий. Признаться, мне ужасно надоело читать поток благоглупостей по поводу «выборов», «федерализма» и т.п. применительно к современной российской ситуации. Какой федерализм, какие выборы на платформе

«приватизированного» государства криминальной кликой и уголовным бизнесом?! Но подобное «схоластическое теоретизирование» имеет давние традиции. Мечтам о том, что хорошо бы «мостик построить» и конституцию принять, десятилетиями предавались русские либералы. (К декабристам это не вполне относится: они не только конституционные проекты писали, но и предприняли реальные действия для их воплощения, правда, на удивление бестолковые.) У части интеллигенции были надежды на дореволюционных мыслителей и авторов русского зарубежья. Вот, дескать, прочтем и поймем, как надо реформироваться. И сейчас это не совсем прошло, о чем свидетельствует подача тех же «веховцев» в качестве авторов, пишущих на животрепещущие сегодня темы. Но дефицит, даже самый острый, не всегда свидетельство большей ценности тех или иных вещей или текстов. Вот, скажем, в «Совке» был огромный дефицит джинсов и «тамиздата». А при свободном доступе такая ли уж это ценность?

Читаешь, к примеру, эмигрантский выпуск «Русской мысли» (редактор Петр Б. Струве) и видишь очевидную преемственность с дореволюционным массивом регулярно выходящих номеров «РМ». Или (о себе в последнее время) – листаешь сканы каких-нибудь «Современных записок» или «Нового журнала», поражаешься литературному мастерству, блестящему стилю авторов и – повторению тех же самых предрассудков и стереотипов, которые и привели этих людей к поражению и изгнанию. Опять рефреном «вот когда уйдут большевики» (как некогда «вот когда падет самодержавие»). Так и сегодня, все же желательно учиться не ошибкам политических неудачников, а на их ошибках. Увы, пока не получается.

В связи с этим для меня важен не столько сам текст Струве (который, кстати, продвинулся в постижении русских проблем гораздо дальше своих товарищей по несчастью, большинства эмигрантской тусовки, ничего не понявшей и ничему не научившейся), а исторический контекст, в котором появились его размышления о «Русской Правде» и т.п. (Так и хочется сыронизировать: о «Русской Системе».)

Нельзя проводить конституционные, избирательные, федеративные реформы на почве нереформируемой империи (как бы она ни называлась), без превращения «народа» в «нацию», а «дер-

жавы» с властью, которой все позволено, – в национальное государство. Этого условия недостаточно, но оно необходимо. Сегодняшний вектор выглядит прямо противоположно, взять хотя бы попытку сделать всех нас какими-то «россиянами» (почти полный аналог «советского народа»). Без национального государства русских на территории России не будет ни демократических выборов, ни федерализма. Только вот не упущено ли время окончательно? По аналогии, например, если какой-то человек в молодом и зрелом возрасте так и не научился зарабатывать деньги себе на жизнь и отвечать за свои поступки, то вряд ли стоит ожидать от него этого в старости. Так и с народами, и государствами: если уж не смогли в свое время добиться национально-демократической эмансипации, то остаются лишь вымирание и зависимость под наркозом усыпляющих мифов.

По сути дела, настоящая демократия и реальный федерализм в сегодняшней РФ (с опорой на умерших философских авторитетов) – такой же миф, как и возрождение имперского величия, «евразийство» или опасное вызывание духа Иосифа Грозного. Только направлено это на другую целевую аудиторию, условно – «либеральную». Печально, что многие субъективно умные и честные люди занимаются этим, порождая у читателей напрасные надежды. Но после того, как и империя Романовых, и СССР показали свою неререформируемость, такое же свойство демонстрирует и так называемая Росфедерация. Только в РФ нет уже тех мессианских геополитических и идеологических претензий, а для правящей клептократии любая (любая!) идеология имеет ценность только как способ отвлечения внимания от масштабов «чисто конкретного» разрывывания национального достояния и «сдачи» всех национальных интересов, т.е. лишения страны перспектив какого-нибудь «Возрождения», о котором так любил мечтать тот же П.Б. Струве. В этих условиях размышления о его идеях, о наследии декабристов, о наследии России и русского зарубежья, о полезности и «актуальности» всего этого – суть просто мифологический наркотик, чтобы заглушить душевную боль от сознания неминуемой катастрофы. Только если массовый читатель, лежа на диване, успокаивается чтением трэшевых фантастических боевиков о лихих «попаданцах», корректирующих нашу историю, дабы не допустить ее ужасного нынешнего состояния, то «гнилой интеллигент» ищет спасения в раскапывании по библиотекам старых текстов с прожектками тех, «кто

знает, как надо». По мне, так лучше «попаданцы», впрочем, это дело вкуса и не имеет принципиального значения.

Если же обратиться к трагической для нас исторической реальности, то нынешние наши разочарования выглядят даже мелочью по сравнению с тем, что пережила наша страна после 1917 или 1991 г. «Посткатастрофка» уничтожила последние русские надежды на достойную жизнь, на национальную демократию в «этой стране». В связи с этим гримасы псевдофедерализма в ельцинский период, неудача «демократического транзита», угасшие искорки надежды на «модернизацию» в 2008 г. или спад «болотной пены» 2011 г. – это уже детали с карикатурным, хотя и драматичным оттенком. Российскую Федерацию в ее нынешнем виде так же невозможно реформировать, как и СССР, как и романовскую Россию. Невозможно это сделать ни в духе «Русской Правды» Пестеля, ни по муравьевской конституции, ни по рецептам либерального консерватора Струве и никак иначе. Сценарий вырисовывается только один – крах режима после исчерпания его ресурсов.

Логично предполагать, что нынешняя паразитическая «элита» РФ (доведшая до абсурда имперскую традицию чужеродности «верхов» интересам большинства русского населения, настоящую АНТИ-Русскую Систему) никуда не сдвинется и ничего не будет по-настоящему реформировать до тех пор, пока ресурсы России вместе с ней не будут «утилизированы». Потом придет закономерный крах и распад – спасти то, что есть сейчас, никак не удастся. Предположить, когда точно, как именно это произойдет и что за этим последует, ныне не представляется возможным. Исходя из имеющегося исторического опыта, можно лишь сказать, что сами по себе распад и уменьшение территории страны (дескать, «России слишком много», «зачем нам Азия», «если бы за Уралом был океан», «хватит кормить Кавказ», «РСФСР нужно первой отделиться от неблагодарных “братьев”» и т.п. мифологемы) при некоторой их ситуативной верности и полезности не являются антиимперской панацеей и залогом дальнейшего успешного реформирования. Потеря значительной территории, как доказывает опыт распада Российской империи и СССР, никак не предохраняет от установления антирусских порядков. Надо менять не (только) политические границы, но глубинные основания российской политики. Сделать это в нынешних границах РФ, скорее всего, не удастся, что очень пло-

хо, конечно. Но если явно не удастся «спасти все», то надо ориентироваться на какое-то подобие модели «Ковчега».

И здесь интеллектуальное наследство декабриста Муравьева может дать некоторые подсказки. Как известно, он предлагал перенести столицу страны в Нижний Новгород, откуда, согласно популярной легенде, пришло ополчение, справившееся со Смутой XVII в. (Я бы, к примеру, для выхода из Смуты века XXI предложил рассмотреть вариант Твери, в свое время погубленной проордынкой Москвой.) Опять же это может быть лишь фантазиями, и только лишь перенос столицы, как и регионализация, как и переименование, как и изменение границ, как и многое другое, – сами по себе эти факторы ничего не гарантируют. Однако стоит держать курс на спасение того, что еще можно спасти. Как знать, может быть, при этом и политико-правовые проекты, интеллектуальные наработки прошлых эпох смогут пригодиться.

Но это тема уже для другого обсуждения.

А.Г. Большаков **Куда идти России?**

Имперская и «русская» идеи в современной России находятся в центре конфликтного властно-оппозиционного дискурса. В настоящее время они имеют совершенно другой смысл и звучание не только по сравнению с проектами декабристского движения первой четверти XIX в., но и их интерпретацией в XX в. известным российским мыслителем П.Б. Струве. Изменились сам контекст восприятия данных проблем, терминология, направленность дискуссий. Знаменитый тезис П.Б. Струве: «Я западник, а потому – государственный. Я западник, а потому – националист» [Струве, 1997, с. 9] – сегодня звучит совершенно по-другому. Вряд ли современный либерал будет публично заявлять о своей приверженности национализму и поддержке институтов государства, хотя у П.Б. Струве речь идет скорее о гражданском национализме и институте монархии.

Современную эпоху определяет полное смешение различных понятий, подходов, традиций. Национализм очень часто воспринимается сугубо в этническом плане, идея создания гражданской нации не стала объединяющей для современного российского общества. В публицистике и массовом сознании существуют пред-

ставления о славянофилах как государственныхниках и патриотах, а демократия относится к ценностям западников и рассматривается очень часто негативно. Традиционное разделение политических сил на «правых» и «левых» в России перевернуто с ног на голову, а защищающие власть публицисты и политологи всерьез считают возможным «создание единой государственной идеологии» [Третьяков, 2013], несмотря на то, что действующая Конституция РФ поддерживает многообразие существующих идеологий.

Приоритет государства в России перед всеми институтами, его доминирование над гражданскими структурами является константой российского политического процесса в различные эпохи. Ослабление государства, его кризис, как правило, ведут к революции, которая полностью меняет политическую систему общества. Постсоветская эпоха наглядно продемонстрировала переход от ослабленного государства к его формальному усилению, которое сопровождалось повышением неэффективности управления, но позволило надежно стабилизировать охранительные механизмы существующего политического режима.

Преобладание неформальных институтов и практик в России наполняет нормативно-институциональные реформы достаточно своеобразным контентом, преобразования носят неэффективный характер, они формируют новые структуры, которые воспроизводят старое содержание. Характерный пример этого – государственно-административные реформы, осуществленные в последние 12–13 лет в Российской Федерации, которые должны были укрепить «вертикаль государственной власти» и повысить эффективность административного управления. По мнению ряда исследователей, результатом этих реформ явилось укрепление доминирования одного политического актора в ущерб позициям других, воспроизводство некоторых советских практик и институтов, например господство «партии власти» [Мелешкина, 2012, с. 226; Пастухов, 2010, с. 35–40], разрастание бюрократического аппарата и рост коррупции. Укрепление вертикали государственной власти не привело к ожидаемой концентрации монополии на насилие, угрозе его применения в рамках государства и повышению эффективности административного управления [Административные реформы, 2008, с. 331–354; Петров, 2011, с. 65–66].

Понятно, что любая критика процесса государственного строительства должна опираться на сравнение со сходными образцами в других регионах и странах мира. В мировой политической науке предпринимаются попытки выработки методов конструирования «эталонного современного государства», которое может быть рассмотрено в качестве определенного идеала. Так, например, А. Гани и К. Локхарт выделяют десять функций стабильного современного государства: монополию на легитимное насилие; профессиональный административный контроль; умелое управление общественными финансами; вложения в человеческий капитал; социальную политику как инструмент равных возможностей; обеспечение инфраструктурных услуг; формирование рынка с точки зрения отношений между трудом и капиталом; введение стандартов прав собственности, финансов и страхования; управление общественным имуществом (земля, вода, полезные ископаемые; культурное наследие и др.); эффективное внутреннее заимствование [Ghani, Lockhart, 2008, p. 124–168].

Интересно, что в этом перечислении нет ничего от формы государственного устройства, которая в России часто является центром различных споров. Построение гражданской нации, формирование русского национального государства, характеристики имперской организационной структуры, возможности и издержки федерализации и централизации, автономии составляют огромный пласт любых научных и общественных дискуссий о путях политического развития Российской Федерации, практически с момента провозглашения ее суверенитета в 1990 г.

В ходе эволюции российской государственности империя меняется на советское государство, а затем появляется Российская Федерация, которая по своей территории, населению, влиянию в мировой политике, экономическому потенциалу значительно уступает предшествующим державным политиям. Российская Федерация – изначально искусственное и сконструированное элитами государственное образование, процесс федерализации здесь быстро закончился и был заменен тотальной централизацией («политика укрепления вертикали власти»). Тем не менее, по разным основаниям, ряд субъектов России получает большую автономию, экономические преференции из центра, возможности осуществлять проекты инфраструктурного развития и др. К таким регио-

нальным акторам можно отнести республики Северного Кавказа, Татарстан, Краснодарский край, Москву и т.п.

Российская Федерация является достаточно значимым субъектом современной системы международных отношений. Доминирующие позиции здесь занимают США и быстро развивающийся Китай. Другими центрами силы являются Европейский союз, Индия, Япония, Бразилия, ЮАР. Позиции России рассматриваются обычно в рамках концепций «однополярного» или «многополярного» мира. В рамках последней работает отечественная дипломатия.

Развитие Российской Федерации в мировом сообществе, на мой взгляд, может осуществляться двумя основными путями.

Первый путь связан с продажей энергоносителей преимущественно в страны Юго-Восточной Азии (прежде всего в Китай); это дает возможность получения средств, которые могут быть направлены на покупку новых технологий в западных странах, что позволило бы модернизировать народное хозяйство, создать новые, высокотехнологичные производства. Можно предположить, что при таком развитии событий Россия превратилась бы в один из центров силы, способный распространить свое влияние на постсоветское пространство, Центральную и Восточную Европу, часть Азии. Этот путь представляется более перспективным, он, возможно, привел бы к постепенной модернизации политической системы. Однако более реалистичным является второй путь, по которому Россия пытается развиваться в настоящее время.

Второй путь связан с продажей природных ресурсов в страны Европейского союза и Китай (в последний по минимальным тарифам), попытками провести технологическую модернизацию собственными силами или объединенными усилиями стран СНГ. Желание приобрести новейшие технологии, заимствованные из западных государств (преимущественно путем шпионажа) Китаем и другими развивающимися азиатскими странами, не приносит никаких результатов. Россия позиционирует себя как стратегического союзника Китая, активного члена БРИКС, конструирует проект Евразийского союза, который представляет собой смешение либеральных и имперских принципов. По замыслу российской элиты, в этот проект первоначально должны войти страны СНГ, а в перспективе – Турция, Иран, Сирия, некоторые государства Юго-Восточной Азии. Реалистичным является привлечение в Евразий-

ский союз некоторых постсоветских стран, которые рассчитывают на получение экономических дивидендов, но этот процесс займет, скорее всего, несколько десятилетий, поскольку значительные противоречия возникают даже с ближайшими партнерами – Казахстаном, Белоруссией и Украиной. Сомнение вызывает и возможность политической интеграции целого ряда разных евразийских стран.

В плане политического развития самой России, на мой взгляд, возможны пять основных сценариев:

- усиление внутренней централизации, поддержка государственных ценностей, продвижение идеологии «особый путь развития России», риторика поддержки регионов и перераспределения полномочий от центра к периферии, относительная автономия местного уровня публичной власти;

- «русское национальное государство», предполагающее развитие России за счет усилий русского этноса и других старожильческих народов, с возможным «отделением Кавказа» и прекращением миграции из стран СНГ;

- постепенная исламизация России за счет миграции из стран Центральной Азии и Азербайджана;

- потенциальный распад России на несколько территорий, образование ряда национальных государств, отход некоторых территорий к приграничным зарубежным государствам;

- конституционное развитие России, предполагающее функционирование полиэтнического государства, с наличием развитого местного управления / самоуправления и жесткой федерацией, в которой основные финансовые средства распределяются между центральным и муниципальным уровнями, а федеративные начала формируются постепенно, снизу, что не предполагает большого количества средств на региональном (субъектном) уровне.

Предпочтительным, на мой взгляд, является пятый сценарий развития, который создает возможности для эволюционного и ненасильственного развития государства; второй и четвертый варианты малореалистичны, но возможны при изменении конъюнктуры социально-политического развития; самыми реальными являются первый и третий сценарии развития, реализация которых потенциально может привести к многочисленным конфликтам и распаду Российской Федерации, т.е. самому негативному сценарию.

Литература

- Ghani A., Lockhart C.* Fixing failed states: a framework for rebuilding fractured world. – N.Y.: Oxford univ. press, 2008. – 272 p.
- Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе / Под ред. Олейника А. и Гаман-Голутвиной О. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 367 с.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – 252 с.
- Пастухов В.Б.* Реформа МВД как сублимация политической реформы в России // Полис. – М., 2010. – № 6. – С. 23–40.
- Петров Н.В.* Обилие слабого государства // Pro et Contra. – М., 2011. – Т. 15, № 5. – С. 51–66.
- Струве П.Б.* Patriotica: политика, культура, религия, социализм: Сб. ст. за пять лет, (1905–1910). – М.: Республика, 1997. – 527 с.
- Третьяков В.* Почему у нас ничего не получается // Эксперт. – М., 2013. – № 4 (836). – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2013/02/pochemu-u-nas-nichego-ne-poluchaetsya/> (Дата посещения: 19.05.2013.)

Е.Ю. Мелешкина

«Плоды воображения» декабристов в современной России

На карте твоей империи, Великий Хан, должно быть место
и для каменной, большой Федоры, и для маленьких, в стеклянных сферах.

Но не потому, что все Федоры одинаково реальны, а, наоборот,
поскольку все они – плоды воображения. Одна содержит то, что признано
необходимым, хотя необходимости в нем еще нет, другие – то,
что представляется возможным, а спустя минуту уже невозможно.

Кальвино И. Невидимые города

В статье Струве замечательным образом показано бытование нескольких реальных и идеальных политических альтернатив развития России. Идеальных – в смысле отражающихся в политических проектах. Реальных – потому что в политических проектах отражаются существующие и формирующиеся тенденции.

Насколько обозначенные Струве варианты являются альтернативами?

На теоретическом уровне можно говорить об идеальных типах империи и национального государства, о противоположности

логик их властной организации. В частности, о том, что среди этих различий – прямая стандартизованная и формализованная система управления и консолидированные границы в современном государстве, в империи – косвенная система управления с существенной ролью неформальных персональных связей и договоренностей, подвижность границ и открытость системы.

Когда мы спускаемся на эмпирический уровень, пытаемся соотносить с моделями те или иные казусы, видим причудливое переплетение элементов обоих идеальных типов. Большое разнообразие империй и национальных государств, история их возникновения, время и контекст их функционирования заметно повлияли на проявленность и масштаб тех или иных характеристик. Империи, особенно существовавшие и существующие в последние два столетия, вынуждены примерять на себя одежды территориальных государств, решать задачи стандартизации и унификации правил и системы управления, культурной гомогенизации населения, соглашаться на признание и гарантии государственного суверенитета на международной арене и т.д. Да и территориальные государства часто демонстрируют наличие имперских черт. Поэтому в действительности границы между империями и национальными государствами оказываются размытыми.

Это же утверждение справедливо и для России. Характерно при этом, что именно в начале – первой половине XIX в., когда необходимость модернизации российских социальных и политических институтов подчеркивается новым состоянием международной системы, пишутся проекты, развивающие альтернативные подходы к политическому развитию нашего отечества. Кроме того, примерно в этот период, чуть раньше или позднее в Европе и на американском континенте довольно активно реализуются политические проекты, также содержащие в себе разные альтернативы организации власти.

Двойственность и альтернативность, отраженные в проектах Пестеля и Муравьева, воспроизводятся в России на практике, вступая друг с другом в противоречивые взаимодействия и вызывая появление причудливых гибридов, с трудом соотносимых с идеальными типами имперской или современной государственной формой организации власти.

Так, Советский Союз, создававшийся под влиянием вызовов модернизации, современной ему международной системы, включал в себя черты современного государства и имперской организации.

В СССР предпринимались отдельные попытки стандартизации и унификации норм и правил, формирования единой гражданской нации на основе коммунистической идеологии. В то же время сохранялась практика непрямого управления, присущая имперским системам. Наблюдались также и иные особенности административно-территориальной организации и национальной политики, противоречащие задаче создания единого политического пространства и единой гражданской нации. В частности, административно-территориальное деление СССР предполагало существование государств-сегментов, институтов титульности, коренизации и, соответственно, формирование традиций относительно автономного государственного управления и национально-территориальной политической идентификации в субъектах советской федерации и автономиях. Непоследовательные попытки создания единой советской нации, те же институты коренизации и титульности, перемещения этнических групп, а также активное развитие экономических и культурных связей взаимозависимости и особой системы управления способствовали несовпадению границ различного рода в получивших после распада СССР независимость республиках и активизации соревнования между внутренними и внешними центрами. Высокая степень автономии государства от общества, значимость личных связей и личной лояльности создавали условия для воспроизводства инфраструктурной слабости и институциональной «недоразвитости», которые и способствовали устойчивому присутствию ряда трудностей и проблем в сфере государственного управления, осложняли задачи формирования системы прямого стандартизованного и формализованного управления в постсоветских странах.

Среди других постсоветских республик, возникших после распада СССР, Россия стоит несколько особняком в силу особого «центрального» положения в Советском Союзе, особой исторической роли. Не все особенности политического развития, характерные для стран постсоветского пространства, мы можем обнаружить в РФ. Например, отсутствие влиятельных внешних центров (имеются в виду, прежде всего, центры бывших государственных

образований имперского типа) в ее случае не является столь значимым фактором, определяющим консолидацию политического сообщества. Вместе с тем России присущи другие черты, свидетельствующие как о попытках формирования современного государства, так и о воспроизводстве имперского наследия. В силу особенностей формата настоящего обсуждения не буду подробно останавливаться на существующих ныне – благодаря прошлому «центральному» положению России в имперской структуре и неконсолидированности границ – различного рода в спорах и разногласиях относительно «устанавливающих» вопросов (о природе государства, нации и т.п.). Отмечу лишь ряд проблем, существующих в сфере государственного управления.

После победы В.В. Путина на президентских выборах в 2000 г. был провозглашен курс на укрепление российского государства. В начале путинского президентства можно было наблюдать попытки осуществления реформ, направленных на унификацию, стандартизацию и деперсонализацию политических отношений. В частности, были реализованы меры по приведению регионального законодательства в соответствие с Конституцией РФ.

Однако шаги по решению этих задач осуществлялись довольно избирательно и непоследовательно. Преобладание неформальных институтов и практик, отсутствие действующих институтов подотчетности в России наполняют институциональные преобразования довольно причудливым содержанием. Последние оказываются не слишком эффективными, приводя к появлению новых форм, скрывающих старое содержание. Примером этому могут быть политические реформы, осуществленные в 2000-х годах, призванные укрепить «вертикаль государственной власти» и повысить эффективность государственного управления. Так, борьба с региональными «князьями» и «баронами» (путем изменения процедуры формирования Совета Федерации, введения федеральных округов, отмены выборов глав регионов и т.д.) не привела к учреждению унифицированной, прямой системы правления. Она объективно повлекла за собой не столько ослабление позиций отдельных политиков и групп интересов, сколько усиление власти одного политического актора и замену одних выгодоприобретателей другими. Двусторонние договоренности между центром и отдельными регионами продолжают играть большую роль в российской политике

благодаря развитости неформальных институтов. Ярким примером этому служат значительные субвенции в ряд национальных республик в обмен на обеспечение лояльности населения.

Отдельные вопросы – это результаты административной реформы и состояние правовой сферы. Реформа и иные действия по «укреплению вертикали власти», по мнению ряда исследователей, не привели к ожидаемой концентрации монополии на насилие и угрозу его применения в руках государства, повышению эффективности управления¹, а их результатом стали разрастание бюрократического аппарата и рост коррупции. Отражением состояния правовой сферы стало нарицательное выражение «басманное правосудие». Борьба с олигархами, «обворовавшими страну» в «лихие 90-е», не привела к деприватизации государства. В связи с этим нельзя не согласиться с В. Пастуховым в том, что «сама власть стала ареной борьбы частных интересов. В конечном счете все вернулось “на круги своя”, к исходной точке – угрозе приватизации власти, но теперь уже не “извне”, а “изнутри”. При этом “децентрализованный произвол” 1990-х годов уступил место “централизованному произволу” нулевых. Произошла “интериоризация хаоса”, поглощение энтропии государством. При этом хаос стал всеобщей, “системной” характеристикой состояния как общества, так и власти в России» [Пастухов, 2010, с. 35].

Российское политическое руководство, судя по проводимому политическому курсу, не слишком хорошо понимает специфику стоящих перед Россией задач государственного строительства. В то же время прогресс в преодолении существующего в нашей стране и других полициях постсоветского пространства имперского наследия во многом зависит от осознания их природы политическими элитами, от способности последних мыслить государственными масштабами. Если и не очень перспективно, то хотя бы так, чтобы «плоды воображения» политического формировали то, в чем в России уже назрела необходимость.

¹ О неоднозначных последствиях реформ в области государственного строительства и сложном современном состоянии российского государства см., например: [Петров, 2011].

Литература

- Кальвино И.* Невидимые города // Кальвино И. Собрание сочинений. Замок скреп- стившихся судеб: романы, рассказы. – СПб.: Симпозиум, 2001. – С. 141–250.
- Пастухов В.Б.* Реформа МВД как сублимация политической реформы в России // Полис. – М., 2010. – № 6. – С. 23–40.
- Петров Н.В.* Обилие слабого государства // Pro et Contra. – М., 2011. – Т. 15, № 5. – С. 51–66.